

...Мой голос, торопливый и неясный,
тебя встревожит горечью напрасной,
и над моей ухмылкой усталой
ты склонишься с печалью запоздалой,
и, может быть, забыв про все на свете,
в иной стране — прости! — в ином столетье
ты имя вдруг мое шепнешь беззлобно,
и я в могиле торопливо вздрогну.

23 января 1962